VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

# ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ВИНОВАТО ЛИ ХРИСТИАНСТВО?

*Вячеслав Алексеев*

Сама по себе подобная постановка вопроса кому-то может показаться совершенно абсурдной. В самом деле, что общего у религии, сделавшей любовь высшей ценностью, с безжалостным разрушением природы? Тем не менее, именно перспектива экологического кризиса стала для ряда философов и футурологов поводом для очень нелицеприятной критики христианства. Среди них оказались, помимо прочих, известные личности, например, Арнольд Тойнби, Эрих Фромм и Теодор Роззак. Эти претензии стали активно высказываться в начале 70-х годов и даже чуть раньше. Сомнительная пальма первенства принадлежит здесь, похоже, английскому историку Линну Уайту, который в 1967 году опубликовал в американском журнале «Science» статью «Исторические корни нашего экологического кризиса». По мнению Уайта усматривать источник экологических проблем лишь в техническом и экономическом росте означает проявлять поверхностный, ограниченный подход к проблеме – причины наших экологических трудностей на самом деле основательно духовны и берут начало в иудео-христианской религиозной традиции.

Уайт обнаруживает в библейских текстах, по меньшей мере, два экологически опасных элемента. Это, прежде всего, наделение человека статусом венца природы и ее хозяина. Подобную установку можно найти уже в первой главе Книги Бытие, где, в частности, присутствует следующее повеление: **«Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимся по земле»** (Быт. 1:26). Такая наступательная позиция в отношении к природе усугубляется еще и тем обстоятельством, что библейский Бог трансцендентен по отношению к сотворенной Им природе и не присутствует в ней реально. Это, по мнению Уайта, открывает психологические возможности для эксплуатации природы в духе безразличия к самочувствию населяющих ее живых существ.

Кроме того, согласно Уайту, христианство виновато в экологическом кризисе не только прямо, но также опосредованно — в качестве религии, сделавшей возможной научно-технический прогресс. Подобно многим другим философам Уайт считает, что наука и техника имеют глубокие корни в христианской традиции. Подытоживая свои рассуждения, Уайт приходит к выводу: «Христианство несет огромное бремя исторической вины».

Статья Линна Уайта, кажется, немного опередила свое время. Похоже, она была переоткрыта через несколько лет, после шумного появления в 1972 году первого футурологического доклада Римскому клубу «Пределы роста» – доклада, который предельно ясно обнажил перед человечеством пугающую возможность глобального экологического спазма. Именно с этого момента возникла мода на поиск духовных причин экологического кризиса и экологических альтернатив христианству.

Особенно замечательна в этом смысле статья Арнольда Тойнби «Религиозные основы современного экологического кризиса», опубликованная в 1973 году. В ней известный историк и философ, помимо вынесения диагноза, делится также своим рецептом спасения. Он приходит к выводу, что в ответ на религиозную революцию монотеизма необходима религиозная контрреволюция пантеизма. Экологические трудности, с которыми мы столкнулись, свидетельствуют о том, что нам следует поклоняться природе как Божеству. В числе более экологичных религий Тойнби упоминает древнегреческие языческие культы, буддизм, синтоизм и даосизм. Даже зороастризм, по мнению Тойнби, экологичнее христианства, поскольку в этой религии присутствует мотив любования природой, а не господства над ней.

Осознание экологических проблем стала толчком для появления разнообразных экзотичных учений, которые можно условно обозначить термином «экологическая духовность». Одним из примеров может служить «экософия», придуманная норвежским философом Арнольдом Нессом, который пришел к выводу, что уже недостаточно быть просто мудрым, – мы обязаны быть мудрыми именно в экологическом смысле. Но насколько мудра на самом деле «экологическая мистика»? Звучат предложения отказаться от враждебного природе семитского «духа пустыни» и возродить языческий «дух леса». Экофеминистки утверждают, что для спасения цивилизации мы должны заменить почитание Небесного Отца более экологичным культом Великой Матери-Земли. Джон Лавлок в книге «Гея: Новый взгляд на жизнь Земли» (1979) развивает учение о нашей планете как гигантском разумном организме.

Формулируются и вовсе пугающие теории. Грегори Бэйтсон, философ, близкий к движению «Нью Эйдж», в частности, усмотрел источник экологических проблем в обособленности индивидуальных «Я». Спасительный выход он видит в «недуалистических религиях» – индуизме и буддизме, отрицающих реальность «Я». По мнению Бэйтсона, следует осуществить своего рода «коллективизацию душ» – духовно разрушить границы между личностями и слить их в единый «общепланетарный разум», экологично ведущий себя по отношению к природе.

Ожидаемым венцом подобных исканий стало экологическое богостроительство, поиск форм новой, универсальной и экологичной религии. Еще в пятом докладе Римскому клубу «Цели для человечества» (1977) Эрвином Ласло была сделана попытка обозначить контуры подобной религии, составленной из фрагментов индуизма, буддизма, даосизма, ислама и христианства. В связи с этим следует обратить особое внимание на том, что в последние десятилетия возникло духовное движение, претендующее на роль подобной экологичной религии. Это так называемое движение «Нью Эйдж» («Новая эра»).

Сегодня «Нью Эйдж», по сути, становится духовной теорией движения «зеленых». Симптоматично в связи с этим то, что известная экологическая коммуна Файндхорн (Шотландия), и без того созданная мистично настроенными лицами, стала ныне одним из наиболее известных центров движения «Нью Эйдж», а Дэвид Спенглер – в прошлом содиректор Файндхорна – оказался одним из наиболее заметных пророков «Новой эры». Многими футурологами и, в частности, Эрвином Ласло движение «Нью Эйдж» было оценено в качестве перспективной духовной основы решения экологических проблем. «Земля – наша Церковь», – утверждают ньюэйджеры, и этот принцип вполне отвечает требованию, выдвинутому одним из идеологов «зеленых» Й.Хубером, который заметил, что сегодня уже недостаточно служить Богу, служить нужно природе. Как уверяет журнал российских ньюэйджеров «Путь к себе», дух «Нью Эйдж» царил на Глобальном форуме религий, организованном под эгидой ООН параллельно с экологической конференцией в Рио-де-Жанейро в 1992 году.

Экология занимает в мировоззрении «Нью Эйдж» совершенно особое место. Ньюэйджерам вообще свойственно неограниченно раздвигать границы этой дисциплины. Популяризируемая ими «глубинная», или «единая экология» – это учение не столько о биологических взаимосвязях между организмами, сколько о мистическом единстве всех живых существ. По мнению ньюэйджеров, обретение человеком способности к мистическому общению с природой обеспечит гармонию в отношениях с ней.

Следует иметь в виду, что это вовсе не отвлеченная идея. Она имеет в наши дни вполне конкретное, практическое воплощение. Так, в 1985 году в Австралии на семинаре «зеленых», в котором приняла участие команда их известного судна «Рейнбоу уорриер», был создан «Большой Совет Всех Живых Существ». Участники семинара утверждают, что им удалось уловить мистические импульсы, исходящие от животных и растений, угнетенных человеком, стать медиумами-посредниками между человечеством и природой. С тех пор сессии «Совета» созываются регулярно, в 1990 году одна из них состоялась в Москве.

Можно упомянуть здесь и другие, не менее экзотичные практики, например, «экологическое дыхание» – вариант «голотопного дыхания», особой техники, созданной психологом Станиславом Грофом. Суть метода, культивируемого Грофом, состоит в частом и глубоком дыхании. Дело в том, что такой способ дыхания в течение даже двадцати минут приводит к изменениям в работе мозга и способствует развитию особых состояний сознания; медитация в таких условиях оказывается очень эффективной для его трансформации. «Экологическое дыхание» используется для того, чтобы в процессе медитации осознать наши филогенетические связи с животными и обеспечить гармонию с миром природы.

Практикуются также совсем романтичные формы защиты природы. Примером могут служить движение «обнимающих деревья» – лиц, которые своими телами защищают деревья от топора дровосека. Сюда же следует отнести и бодхисатв на надувных лодках из «Гринписа», пытающихся закрыть китов от удара гарпунщиков. Разумеется, реальный эффект от подобных экологических шоу близок к нулю, однако они все же важны как определенный воспитательный пример. К сожалению, приходится признать, что наша активность в экологическом движении, по меньшей мере, на порядок ниже, чем у ньюэйджеров.

Однако насколько все же состоятельны экологические претензии к христианству? Действительно ли неоязычество и сознание «Нью Эйдж» является духовной альтернативой христианству в аспекте экологического кризиса? Это не очень простой вопрос. С некоторыми из перечисленных выше претензий в некотором смысле можно согласиться. Научно-технический прогресс и свободное предпринимательство и в самом деле имеют глубокие корни в иудео-христианской традиции. Однако едва ли можно сказать, что прогресс сам по себе порочен; большая часть тех, кто ищет сегодня духовные альтернативы христианству, как правило, не хотели бы возвращения в доиндустриальную эпоху. Они все же надеются совместить комфортный образ жизни с благополучием природы. Подобная установка получила выражение в концепции «устойчивого развития», закрепившей в сознании многих людей стремление ограничить экономическое развитие, положить ему некие «пределы роста».

Трудно сказать, до какой степени возможно, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. В принципе, траекторию развития, огибающую кювет экологической катастрофы, можно себе представить. Наука и техника вовсе не обязательно диктуют безжалостное собственное применение по отношению к миру природы. Однако следование траектории «устойчивого развития», несомненно, потребует глубокой перестройки экономики и мобилизации духовных сил человека. И здесь мы снова возвращаемся к проблеме духовных предпосылок решения глобальных проблем. Действительно ли экологические дефекты, обнаруженные Уайтом в христианстве, требуют быстрейшего упразднения нашей религии?

Эрих Фромм в своей последней книге «Иметь или быть?» (1976), ставшей своего рода духовным завещанием философа, писал по поводу первых докладов Римскому Клубу так: **«Впервые в истории физическое выживание зависит от радикального изменения человеческого сердца»**. В связи с этим Фромм заслужено противопоставляет модус «бытия» модусу «обладания». С некоторого времени для нас стало важнее «обладать», чем «быть». Сегодня мы уже не мыслим себя вне многих вещей и хотим иметь еще больше. Источник кризиса состоит в нашей алчности, помноженной на склонность рассматривать природу лишь в качестве кладовой материальных благ. Есть мнение, что на Востоке все было по-иному. Существующие различия Фромм иллюстрирует одним примером, взятым из «Лекций по дзен-буддизму» Дайсэцу Судзуки, который предложил слушателям для сравнения два стихотворения. Первое принадлежит японскому поэту XVII века Басе:

**Внимательно вглядись!**
**Цветы «пастушей сумки»**
**Увидишь под плетнем.**

Второе стихотворение написано значительно позже английским поэтом Теннисоном и тоже посвящено красоте цветка:

**Возросший средь руин цветок,**
**Тебя из трещин древних извлекаю,**

**Ты предо мною весь – вот корень, стебелек, здесь на моей ладони.**

**Ты мал, цветок, но если бы я понял,**

**Что есть твой корень, стебелек, и в чем вся суть твоя, цветок,**

**Тогда я Бога суть и человека суть познал бы.**

Поразительно, но поэт, похоже, даже не замечает того, каким диссонансом звучат его «философские размышления» над растением, ставшим бессильной жертвой проявленного к нему интереса. Но действительно ли подобная ненамеренная жестокость как-то вытекает из ментальности христианства?

Прежде всего, следует заметить следующее: не стоит чрезмерно идеализировать экологичность языческих и первобытных культов. Американский писатель Генри Торо в своей замечательной книге «Уолден», воспевающей жизнь в лесу в единстве с природой, заметил, что было бы значительно лучше, если бы современные фермеры относились к лесу с таким же трепетом, с каким древние римляне прореживали свои священные рощи. Однако на самом деле человек стал разрушать среду обитания отнюдь не с победой религии Христа, а с момента появления на этой земле. Человек очень активно влиял на нее еще до промышленной революции и до победы христианства.

Действительно, уже во времена засилья язычества люди интенсивно охотились, истощали пастбища и вырубали лес. Примером особо варварского отношения к лесу, который так почитало язычество, может служить подсечно-огневой метод земледелия, требовавший выжигания целых лесных массивов. То, что давление на природу в те далекие от нас времена было неизмеримо слабее, чем сегодня, связано, скорее, с отсутствием у человека мощных технических средств, нежели с его особым благоговейным отношением к природе. Человек настолько алчное существо, что соображения священности природы лишь отчасти ограничивали его, когда речь шла об удовлетворении насущных потребностей.

Лев Гумилев в статье «Этнос как явление» приводит мини-список экологических грехов, совершенных человеком еще на стадии доклассового общества. Действительно, уже в период палеолита охотники истребили в Европе многих крупных травоядных. Позднее полинезийцы прикончили птицу моа в Новой Зеландии, арабы и персы – львов в Передней Азии. Козы, выпущенные басками и астурийцами на Азорских островах, превратили эти острова в голые скалы.

Давление на природу становилось особенно интенсивным при возникновении цивилизаций. Так, в эпоху античности изготовление кораблей и строительство городов основательно обезлесели Средиземноморье. Несколько тысячелетий назад человеческий труд воздвиг дамбы на Ниле. Созданная в нашем веке Асуанская плотина, затопившая более пяти тысяч квадратных километров суши, является лишь продолжением давно начавшегося процесса.

В этом смысле особенно поучительна история Китая. Отношение к природе этой великой цивилизации вовсе не ограничивалось даосским принципом «ву вей» – невмешательства в природу. В культуре Китая присутствовали фигуры не только аскетов, но также героев-цивилизаторов. Этой ипостаси китайской культуры соответствовала интенсивная деятельность по преобразованию природы – строительство городов, ирригация, истребление животных. Наряду с любовным возделыванием садов и эстетическим наслаждением природой имели место также вырубленные леса, загрязненные потоки и перенаселенные города.

По мнению Льва Гумилева, в деградации многих великих цивилизаций Востока есть также и экологическая составляющая. В этом смысле, может быть, удачным примером служит упадок Вавилона, вызванный, по мнению Гумилева, не только политическими причинами, но также засолением плодородных почв в результате непродуманной ирригации.

Страны, исповедующие язычество, демонстрировали неэкологичность своей экономики также в новейшее время. Примером может служить благополучная Япония, которая к середине 60-х годов превзошла все промышленно развитые страны по уровню загрязнения окружающей среды. Общественность все же спохватилась, в результате Япония приняла самое амбициозное приро-

доохранное законодательство в мире. К сожалению, результатом этого стало лишь перенесение разрушительной активности за пределы Японских островов. На совести Японии осталась интенсивная закупка древесины в бассейне Амазонки, а также варварский китобойный и рыбный промысел. К этому стоит добавить, что Япония упорно противилась принятию некоторых международных законодательных актов, связанных с охраной окружающей среды.

Впрочем, если отвлечься от чисто экономических причин, толкающих нас к экологическому кризису, и рассмотреть этические аспекты этой проблемы, окажется, что дело не только в нашей природной алчности и неспособности соответствовать разумным стандартам в отношениях с природой. Дело также в определенной концепции, в непризнании за природой права на обладание самоценностью, в отношении к ней лишь как к чему-то, созданному на потребу человека. Подобное отношение к природе обозначается некоторыми философами термином «инструментализм». И его истоки порой видят именно в библейских текстах. В определенном смысле, инструментализм действительно присутствовал в христианском мышлении. Его в той или иной мере можно обнаружить у Отцов Церкви, средневековых теологов и вождей Реформации, у Оригена, Августина, Фомы Аквинского и Кальвина.

Рельефно высказывался по этому поводу Августин. Хотя, в принципе, он признавал, что тварь обладает какой-то самоценностью в глазах Бога, это не мешало ему оправдывать и безжалостное отношение к природе. Характерным примером здесь может служить комментарий Августина к двум евангельским сюжетам – об изгнании бесов в гадаринских свиней (Мф.8:28-34; Мк.5:1-20; Лк.8:26-39) и о проклятии бесплодной смоковницы (Мк.11:13). Вот что писал по этому поводу Августин:

**«Христос сам показывает, что воздержание от убийства животных и разрушения растений является верхом суеверия, давая понять, что не существует равноправия между нами и животными с деревьями. Он послал бесов в стадо свиней и с проклятием засушил дерево, на котором не нашел плодов... Животные умирают в мучениях, но это не имеет для нас особого значения, так как, не имея разумной души, зверь не связан с нами общностью природы»**.

Подобное несимпатичное отношение к природе можно отчасти объяснить тем обстоятельством, что Августин испытывал острое желание бичевать своих бывших соратников – манихеев, чрезмерно одушевлявших природу. Однако Августин был, к сожалению, вовсе не одинок.

Остается, однако, вопрос – в какой мере отдельные христианские теологи при обосновании безжалостного отношения к природе руководствовались библейскими текстами? Ведь можно найти массу примеров того, как богословы совсем иначе высказывались относительно участи природных существ. Важно понять, что стало причиной инструментализма в книгах ряда христианских мыслителей.

Существует неплохо обоснованное мнение, что источником некоторого присутствия инструментализма в христианском мышлении была эллинистическая мысль.

Действительно, инструментализм можно обнаружить у многих древнегреческих и древнеримских философов, например, у Аристотеля, который считал, что природа создает все ради людей. Концентрированной формулой инструментализма может служить также известный афоризм Протагора: «Человек – мера всех вещей». Уместно здесь сослаться и на трактат Цицерона «О природе богов», в котором есть следующее высказывание: «Все в этом мире, чем пользуются люди, именно для них создано». Там же философ замечает, что человек – самое совершенное существо, и сама природа предписала ему так думать о себе.

Христианские философы, такие как Ориген, Августин и Фома Аквинский, скорее всего, почерпнули инструментализм из античной культуры, и это произошло в истории христианства достаточно рано. Вероятно, следует признать: усвоив эллинистическую мысль, христианство, к сожалению, сформировало такое отношение к природе, которое уступало по экологичности древнеиудейской ментальности.

Инструментализм, однако, не был бы так легко воспринят рядом христианских теологов, если бы в библейских текстах вообще отсутствовали предпосылки для подобной установки. Такой предпосылкой стало учение о человеке как о венце природы и ее господине. Идея господства над природой оказалась поводом для выстраивания инструментализма на ее основе. Однако библейское отношение к природе на самом деле не только не совпадает с инструментализмом, но и во многом противоположно ему. В христианской традиции можно без труда обнаружить альтернативы безжалостному отношению к природе.

Обсудим, прежде всего, какой взгляд на природу предложил культивировать Линн Уайт.

Хотя Уайт возлагает ответственность за экологический кризис на христианство, он отнюдь не пытается низвергнуть нашу религию. Более того, он называет себя церковным человеком, пытается обнаружить в христианстве такие духовные потенции, которые могли бы обеспечить решение экологических проблем. По мнению Уайта, если и дальше расширять сферы науки и техники, мы не справимся с ними. Необходимы, прежде всего, духовные изменения в человеке. Уайт при этом скептически оценивает попытки заимствования восточных религий, в частности, дзен-буддизма. По его мнению, нам следует искать решение своих проблем в духовном багаже собственной религиозной традиции. И здесь Линн Уайт предлагает обратиться к наследию «величайшего радикала в христианской истории после Христа» – Франциска Ассизского.

Потенциал для создания гармоничных отношений с природой Уайт усматривает во францисканской идее смирения. Согласно Франциску, необходимо смирение не только друг перед другом, но и перед другими Божьими творениями – смирение человека как вида. Необходимо отказаться от монархического господства над природой и установить демократию в отношениях с каждой тварью. При таком подходе муравей перестает быть лишь поводом для проповеди лентяю, а пламя – символом стремления души к Небу. Теперь это – Брат-Муравей и Брат-Огонь, которые обладают самоценным бытием и способны воздавать хвалу Творцу.

Существует мнение, что знаменитая проповедь Франциска птицам была актом протеста в ответ на нежелание людей слушать его. Однако на самом деле всё происходило всерьез. Франциск проповедовал, и птицы в духовном экстазе хлопали крыльями и радостно щебетали. Видение природы Франциском из Ассизи основывалось на панпсихизме – наделении способностью к сознанию всего сотворенного, в том числе и кажущихся неодушевленными предметов. Все они, согласно Франциску, созданы для прославления своего Творца.

Именно такой подход к природе, по мнению Линна Уайта, мог бы стать духовной основой решения наших экологических проблем.

**«Современные наука и техника**, – пишет Уайт, – **настолько пропитаны ортодоксальным христианским высокомерием в отношении природы, что не следует ждать разрешения экологического кризиса только от них. Корни наших бед столь основательно религиозны, что средство исцеления тоже должно стать религиозным по своей сути, как бы мы его ни называли. Мы должны заново осмыслить и глубоко пережить в душе, в чем же состоит наше полное предназначение и какова наша природа. Первоначальное францисканство обладало глубоко религиозным, хотя и еретическим пониманием духовной самоценности всего, что есть в природе, и это помогает нам увидеть выход. Я – за Франциска как святого покровителя для экологов»**.

Однако, как замечает сам Уайт, современный человек, даже озабоченный проблемой экологического кризиса, вряд ли окажется способным увещевать птиц или общаться с волком. Это означает, что цивилизация и дальше будет идти по пути обострения экологических проблем, до тех пор, пока не окажется отвергнутой догма, согласно которой у природы нет никакого другого предназначения, кроме как служить человеку.

Было бы очень грустно, если мироощущение Франциска явилось бы единствен-

ным христианским ответом современному экологическому кризису. В связи с этим некоторые теологи противопоставляют Франциску другого лидера монашеского движения – Бенедикта Нурсийского. Этот католический святой считал, что лучший способ сохранить природу состоит в том, чтобы культивировать ее. Человек является хозяином земли и обязан не эксплуатировать природу, а заботиться о ней.

В монастырях бенедектинцев сложился своеобразный синтез физической и интеллектуальной деятельности: они стали оазисами науки и передовой сельскохозяйственной практики. Монахи этого ордена применяли севооборот, строили водяные и ветряные мельницы, а цистерианцы – одно ответвлений бенедектицев – были известны своей успешной борьбой с малярией. Известно также, что бенедиктинцы осушали болота и сажали лес по всей Европе. Взгляды теологов этого ордена, вероятно, очень близки к тому подходу, который присутствует в Библии и который следует культивировать.

Что же говорят библейские тексты относительно господства над природой?

Христианская идея господства откровенно высказана в уже отчасти цитированном выше месте из первой главы книги Бытия:

**«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и, над птицами небесными, и над скотом, и над всей землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися на земле... И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле»** (Быт.1:26).

Этот принцип не потерял своей силы и после грехопадения первых людей. Он присутствует, в частности, в словах Бога, обращенных к Ною после Потопа:

**«И благословил Бог Ноя и сынов его, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, да страшатся и да трепещут вас все звери земные, и все птицы небесные, все, что движется на земле, и все рыбы морские; в ваши руки отданы они... Вы плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по земле, и умножайтесь на ней»** (Быт.9:1-2, 7).

Подобную модель отношений с природой можно обнаружить также в Псалме 8, где утверждается, что Бог утвердил человека над творением – **«все положил под ноги его: овец и волов всех, и также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских»**.

Древнееврейское слово «rada» – «владычествуйте», в английском варианте Библии переведено словом «govern» – «управляйте». Что же касается слова «kabas» – «обладайте», оно в русском варианте, возможно, оказалось несколько смягченным. В английском тексте это слово переведено как «subdue» – «подчиняйте», между тем «kabas» в древнееврейском языке носит даже милитаристский оттенок. Итак, «обладайте и владычествуйте». Не означает ли это того, что именно подобная установка послужила источником экологического кризиса? Отнюдь нет.

Следует, прежде всего, обратить внимание, что природа обладает в глазах Бога самостоятельной ценностью. Целый ряд мест Ветхого Завета свидетельствует о том, что Господь заботится о природе. Так, в Книге Иова говорится, что Бог посылает дождь растениям (Иов.38:25). Он создал пустыню для дикого осла (Иов.39:5). Новый Завет подтверждает Ветхозаветное представление о попечительной заботе Бога. Эта мысль выражена и в притчах Иисуса о малых птицах (Мф.10:29; Лк.12:6) и о лилиях полевых (Мф.5:28-30). Они свидетельствуют, что Иисус ценит красоту природы и видит в ней заботу Отца. О том, что все творения в глазах Бога обладают самоценностью, прямо утверждают некоторые места Писания. Так, в Первом послании к Коринфянам Павел говорит, что каждое Божие творение наделено «славой»: **«Есть тела небесные и тела земные: но иная слава небесных, иная земных; иная слава луны, иная звезд, и звезда от звезды разнится в славе»** (1 Кор.15:40-41). Наделение человека «славой» венца природы ничуть не умаляет «славы» других творений.

*7* Писание накладывает также ограничения на эксплуатацию природы. Книги Левит и Второзаконие регламентируют, помимо

прочего, отношения человека с природой. В них можно обнаружить запреты, оберегающие фруктовые деревья, волов, птиц-самок, землю под паром.

Бог задумал человека как своего соработника (1 Кор.3:9). Еще в Едеме человеку было дано повеление относительно Сада – «возделывать и хранить его» (Быт.2:15). И у нас нет никаких оснований считать, что после грехопадения обязанность заботиться о природе была аннулирована. При этом следует иметь в виду, что попечительное управление предполагает превосходство человека над природой. Как справедливо замечает отец Андрей Кураев, ответственным может быть только управитель – тот, кто по своей сущности радикально отличен от объекта управления. В библейском господстве над природой, на самом деле, нет деспотизма, но есть рачительное и оберегающее управление.

Тем, кто хотят видеть в слове «обладайте» санкцию на безжалостную эксплуатацию природы, сто́ит помнить, что самоволие и господство – это совсем разные вещи. Деспотичное отношение к природе является возможной интерпретацией Ветхого Завета лишь при тенденциозном и выборочном цитировании, а также при игнорировании специфики древнееврейском ментальности. Это еще в большей мере относится к Новому Завету. Христианское отношение к природе в идеале неотделимо от жалости и благоговейного отношения ко всякому творению Бога.

Острота экологического кризиса заставляет многих философов выдумывать нечто дополнительное по отношению к тому, что уже сказано в Писании. Так, американский экофилософ Олдо Леопольд еще в 40-е годы ввел термин «экологическая совесть». Он предложил также добавить к Декалогу 11-ю заповедь, предусматривающую заботу о природе. Но едва ли есть необходимость что-то добавлять к Библии (в религии вообще невозможно исправление священных текстов), – следует в полной мере реализовать тот экологический потенциал, который в них уже присутствует. Мы остро нуждаемся сегодня в новом, экологичном прочтении библейских текстов.

Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заглавие статьи, стоит заметить, что духовным источником современного экологического кризиса является отнюдь не христианство, а антропоцентризм и установка на неограниченное потребление, которые постепенно возобладали на Западе после Нового времени на фоне ослабления христианского духа. Именно в этот период христианская заповедь попечительного господства над природой была замещена опасной технократической концепцией ее «покорения». И неудивительно, что в нашу «пост-христианскую» эру наука и техника поставили человечество на краю экологической катастрофы.

Есть ли у нас какой-нибудь выход? Мне все же очень хочется надеяться, что нам удастся справиться с экологическими проблемами. Для этого нужны не только новые технологии. Нужно, прежде всего, одуматься. Сентиментальное, «зеленое» отношение к природе, конечно, вещь неплохая, – но необходимо также конкретное ограничение потребностей цивилизации, своего рода «новый аскетизм». В нынешнем западном обществе потребления программа такого рода не очень реальна. Тем не менее, сам кризис, так или иначе, заставит положить некие пределы потреблению. Проблемы, которые будут, конечно, нарастать – это не только причина для построения экологической этики, но также повод, чтобы, исходя из уроков экологического кризиса, по-новому прозвучала проповедь о Христе, Которого следует считать не только Спасителем человека, но и Спасителем Земли.

---

Вячеслав Алексеев. **Экологический кризис: виновато ли христианство?**
**Христианский научно-апологетический центр, 2006. Буклет № 135**
*95011 Симферополь - 11, “Момент Творения”*
*www.scienceandapologetics.org*